

Жан Поль Бельмондо:

ИЗ ЖИЗНИ «ЗВЕЗД»

«В МОЕМ ТЕАТРЕ НЕТ БАРРИКАД»

Нынешний год выдался на редкость удачным для самого популярного актера Франции — Жана Поля Бельмондо. Удачным во всех отношениях. Молодая миловидная женщина по имени Нати отныне делит с ним жизнь, он благополучно справил 90-летие своей матери; у него родился внук; ему была присвоена высшая награда Франции «Орден Почетного Легиона» — в знак особых заслуг перед нацией... Наконец, он стал собственником, причем в самом что ни на есть творческом смысле этого слова. Видимо, вдохновленный своим триумфальным возвращением на театральные подмостки (его «Кин» и «Сирано» собрали восторженные отзывы прессы), Жан Поль решил выкупить театр «Варьете». «Это один из самых чудесных парижских театров, — оправдывается Бебель, как зовут актера парижане. — Мне не хотелось, чтобы он достался тем, кто не интересуется театром». Что ж, дело сделано. И, как водится в таких случаях, журналисты поспешили к актеру за комментариями. Уж они-то знают, что Жан Поль откровенный собеседник. Предлагаем вниманию читателей интервью Жана Поля Бельмондо корреспонденту журнала «Пари-матч».

— Приобретя театр «Варьете», вы, кажется, с лихвой оправдали надежды вашего отца...

— Действительно, он мне говорил: «Когда же ты, малыш, по-настоящему займешься сво-

им делом», и я думаю, если он сейчас видит что-нибудь с небес, то, должно быть, вполне счастлив.

— В наше время, когда, наоборот, театры преобразуются в супермаркеты или паркинги,

ваш поступок — это своего рода вызов!

— А ведь вы подбросили мне сенсационную идею: я назову свои владения «Паркинг Варьете». Хотя, честно говоря, мне больше по нраву руководить театром, нежели паркингом. Когда я еще учился в консерватории, то проводил все дни напролет у афиш «Варьете» и изучал имена Фернанделя, Саша Гитри... Конечно, ни на секунду я не мог себе представить, что однажды приду сюда как к себе домой.

— Значит, сбывается мечта!

— Нет. Когда вы молоды, вам просто хочется играть хорошие роли, быть лидером в труппе, но помыслов о том, чтобы стать собственником, нет и в помине. Я всегда считал, что не следует торопить и тем более опережать жизнь: она сама все расставит по своим местам. У жизни больше воображения, чем у нас, — поэтому-то никогда не следует от нее отгораживаться. А ведь многие склонны поступать именно так, особенно если слышат от посторонних людей: «Не делайте того-то, это безумство». Но если, живя, не совершать безумств, то в жизни вообще ничего не происходит. Так вот, я взял и купил театр. Знаете, это даже волнует.

— Но этот ваш план уже давно витал в воздухе, не так ли!

— Да, действительно, после того как мы с Оссейном успешно справились с «Кино» в театре «Марины», мелькнула мысль: «А почему бы и нет?». Робер выступил вроде приводного ремня — он-то знал, что Франсис Лемонье собирается продавать «Варьете».

— И вот «Варьете» открыт. Возникает вопрос о репертуаре. Возьмете ли вы на себя риск работать с молодыми авторами или поступите по-иному!

— Раньше в этом смысле было проще, огромный выбор: Андре Руссен, Марсель Ашар, Саша Гитри, Жан-Поль Сартр и т. д. Сегодня же все ищут авторов. «Что ставить?» — вот вопрос. По правде говоря, я и сам этого не знаю заранее. Основная театральная тенденция такова, что ставят вроде бы интеллектуальные пьесы, хитроумно облачая их в форму «коммершл». Но если завтра мне кто-нибудь предложит постановку стопроцентно умную вещь, которая заставит задуматься весь мир, я отвечу «да». То же самое, если речь, напротив, пойдет о какой-нибудь буффонаде, которая вынудит весь зал смеяться. В моем театре нет баррикад.

— А будка суфлера в нем останется!

— Я — за сохранение традиций. Треугольник сцены, уголок суфлера, красный занавес,

который поднимается и опускается перед другим миром, — все это прекрасно и пусть остается. Ведь в этом вся магия театра.

— Своего сына Поля вы прочтете в администраторы, стало быть, ваш театр — что-то вроде семейного дела!

— Пока остается прежний администратор. Поль, я надеюсь, присоединится к нам позже, пока же он чересчур увлечен автогонками. Это у него, кстати, с раннего детства, — с чем я, как вы понимаете, всегда обязан был считаться.

— Ну, а что думает о вашем новом поприще ваша мать? Или она еще ничего не знает!

— Мама всегда полагала, что у меня нет серьезных задатков для того, чтобы взять в свои руки большое дело. Я ведь еще в школе слыл сорви-головой — ходил в класс не столько учебы ради, сколько из-за всяких переделок, когда приходилось постоять за себя. Я обожаю свою мать. Ей 90 лет, и она очаровательна. Она всегда была нежным и и безжалостным судьей.

— Это она сводила вас в театр впервые в вашей жизни!

— Да, и еще с нами был отец. Кажется, мне было тогда 12 или 13 лет, мы пошли в «Комеди Франсез»... Потом я имел счастье видеть Шарля Дюллена в «Скупом» — это было в театре имени Сары Бернар. С родителями я вел себя, как умница. С друзьями же был совершенно другим: мы ходили во Дворец Шайо на «Эрнани» только за тем, чтобы пулять шариками по актерам из тоненьких таких стрелометательных трубочек. Потом, когда я уже начал играть классиков в провинциальных театриках, точно таким же образом доставалось и мне. И я осознал, какой, в сущности, мерзостью мы занимались.

— Прежде чем вновь взойти на подмостки сцены, вы взяли перерыв длиной в 28 лет. Почему!

— Дело в том, что я никогда не думал сниматься в кино. Только через 9 лет после начала работы в театре я, наконец, получил главную роль в одном спектакле. Но он шел без аншлага. Тогда Жан-Жак Готье сделал напротив моего имени приписку в афише: «Приходите посмотреть этого актера». Представьте, все равно никто не пришел. Это было чудовищно.

— Но потом все-таки пришел успех — помните спектакль «До последнего вздоха»!

— А до того, дабы поднять мне тонус, мой друг Анри Видаль дал мне роль славного парня в спектакле «Мадемуазель Ангел». Тогда я даже решил, что буду отныне играть только эту роль.

— А потом вас стали упрекать в том, что вы снимаетесь в коммерческих фильмах!

— Было дело. Неприятно вспоминать об этом. Впрочем,

я достаточно здравомыслящий человек, чтобы в полной мере сознавать ошибки, совершенные подчас из самых добрых намерений. А если бы за моей спиной были одни шедевры, если бы я каждый раз попадал в десятку, то, простите, вы бы со мной сейчас вот так запросто не разговаривали: я бы заперся в золотой клетке и никого бы близко к себе не подпускал.

— Надо же, как грустно!

— Вот именно. В жизни полезно ошибаться. Я никогда не снимался по принуждению. Никогда. С самого начала я верил в замысел. Финал, результат — это другое дело. Все, как в любви...

— Что вы больше всего цените в женщине!

— Здесь однозначного ответа нет и быть не может. То же самое, если вас спрашивают: кого вы предпочитаете, брюнеток или блондинок? Жить с актером — дело нелегкое. Актер — существо разностороннее, переменчивое. В общем, нужно много терпения.

— Говорят, вы очень целомудренны...

— Да, это часть моего характера. Не люблю раздеваться перед публикой — ни в прямом, ни в переносном смысле.

— Вы ведете дневник!

— Если бы и вел, то ни за что об этом не сказал бы... Нет, я не веду никаких дневников, мне довольно здорово повезло с памятью. Я снялся в 80 фильмах, ни разу не зубря наизусть хоть полстранички своего текста. Я занимался атлетизмом, но и свой мозг «накачивал» тоже. Вот у моей матери прекрасное перо. Она писала целые тетради, потрясающе рассказывая о том, что происходило в нашей семье.

— Вот уже не один год вы боретесь за создание музея вашего отца...

— Да. И если не музей, то хотя бы зал Поля Бельмондо в Музее Орсе. Это не просто. Хотя мне то и дело попадаются люди, уверяющие меня, что дело — пустяковое. Не знаю, я до сих пор в ожидании.

— Две скульптуры вашего отца выставлены в Тюильри...

— Это Жак Ланг (министр культуры Франции. — Прим. ред.) сдержал обещание. «Аполлон» и «Жаннетт» — так они называются. Жаннетт была у нас горничной. Отцу она служила моделью. Помню, когда Жаннетт позировала в мастерской отца, мы с братом вечно крутились подле него с какими-то расспросами. Это был повод. На самом деле поглядывали на Жаннетт — она была великолепна.

— А вы сами позировали отцу!

— Да, это случилось только один раз, мне было 6 лет. Я тогда так и не усидел на месте. А теперь об этом сожалею.

Публикацию подготовил
Б. ЮНАНОВ.

● Жан Поль Бельмондо и его жена Нати позировали вместе со своими йоркширскими любимцами в фойе театра «Варьете».

Фото из журнала
«Пари-матч».